
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

СМЕРТЬ В ВЕНЕЦИИ
(рассказ-сюита)

Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

— Вот она, моя Венеция. Здравствуй. Buengiorno,— внутренне говорил он, выходя из аэропорта Марко Поло. Знакомой до слез дорогой, мощенной мелкими квадратными камнями, покатил свой небольшой чемоданчик на колесах к пристани вапаретто. Даже постукивание колес по камням было ему мило. Почувствовал увлажнение глаз и свободной рукой платком промокнул слезы.

— *Здравствуй. Это я, твой поклонник. Можно сказать, любовник. Наконец, выбрался к тебе опять. И, как перед любовным свиданием, охвачен волнением и трепетом.*

На пристани купил билет до Fundamento Novo. Ступил на качающийся дебаркадер и, когда подошло вапаретто, протиснулся к самому краю его, чтобы первым взойти на палубу. Как мальчишка, поспешил сесть к окну, быть ближе к воде.

Вапаретто, покачиваясь на волнах, поплыло в Венецию. Навстречу неслись катера и водные такси, поднимая высокую волну, от которой небольшое судно еще больше раскачивалось. Близко за бортом назад бежали зеленоватые волны. Назад же по обе стороны проплывали и торчащие из воды бревна. По три штуки они были связаны вершинами, образуя треножник. На вершине треножников сидели чайки. В первый раз не мог понять, зачем эти треножники среди водной глади. Потом догадался — это бакены, обозначающие фарватер на пространстве лагуны.

Проплыли мимо пустынного островка с заброшенными, без признаков жизни домами. Сделали остановку в Мурано. Все так знакомо. Здесь в Мурано льют самое красивое в мире стекло. Поплыли дальше. Впереди узкой полоской над водой стал являться город. Стали видны кампанилы церквей, потом сами церкви, потом дома.

— *Вот она. Скорее, скорее.*

Сердце забилось чаще. Старое сердце еще не утратило способность волноваться от красоты и ожидания.

Сойдя с дебаркадера, прошел налево в первый переулок и мимо кьезы Santa

Maria Asunta, колонки с непрерывно льющейся водой, через два моста, под которыми по каналу бесшумно проплыли гондолы, знакомой дорогой направился к Ca'd'Oro.

Нет, не к отелю с одноименным названием, а на fermata Ca'd'Oro, дебаркадер, качающийся на волнах Grand Canale. В этом отеле они останавливались раньше. То была первая поездка в Венецию. Первое знакомство с городом. Тогда и возникла любовь к нему, не проходившая все это время. Она только росла.

«Это сказка наяву. Такого больше нет нигде на свете. Она хороша и днем, вся залитая солнечным светом, и ночью, когда узкие ее улочки, пересекаемые каналами, освещены огнями ресторанов и витрин магазинов. Идешь, словно в декорациях праздничного города. Узкие улочки создают ощущение уюта, которое не испытываешь ни в одном другом городе. Сегодня услышал песню! Иногда, нанимая гондольера, заказывают и певца. Невольно остановишься на мосту и ждешь, когда гондола подплывет совсем близко, отчетливо услышишь чудесную итальянскую мелодию, и когда она проплывет под мостом, переходишь на другую сторону и видишь и слышишь удаляющуюся гондолу и песню».

Это запись в дневнике после первого визита в город.

В этот раз забронировал номер в Antigo Travatore, «Античный путешественник».

— *В самом деле, каждый человек путешественник по жизни. Хорошо, если на пути встречаются чудеса, такие как Венеция.*

Подкупило то, что отель с этим названием находится рядом с Piazza San Marco. Значит, опять можно будет вечером приходить на эту знаменитую площадь, сесть на мостки, которые расставляют на улицах для пешеходов, когда город затопляет вода, и смотреть, как стгущаются сумерки, зажигаются огни ресторанов и начинают играть маленькие оркестрики перед ресторанами для развлечения публики, заполняющей всю площадь.

Решил не плыть на вапоретто, а пройти путь до fermata Ca'd'Oro пешком. От этой остановки до отеля, если судить по карте, расстояние изрядное. Но эти карты для туристов обманчивы. Он-то знал, что все здесь все очень близко. Если, конечно, знать дорогу. Если не знать, можно не раз пройти по одним и тем же улочкам, как в лесу — ходить по кругу.

Вот исток Strada Novo. Широкая, по венецианским меркам, конечно, мощная улица, по которой вполне могли бы ездить авто, но в Венеции их нет. Оттого здесь тишина и чистый воздух.

Нет и лошадей. Лошадей, запряженных в коляски — непрменный атрибут европейских городов, посещаемых туристами. Вот кафе. Столики на улице. Здесь они вкусили свою первую на итальянской земле пиццу.

Рядом тогда сидели за столиком пожилые мужчины и женщины. Громкий разговор и энергичная жестикуляция не могли не привлечь внимания. И вдруг одна из женщин, немолодая, выскочила из-за стола, подпрыгивая, как кенгуру, с восклицаниями устремилась навстречу подходившей, тоже пожилой, паре, и бурные объятия, радостные восклицания произошли на публике, и никто не обратил на это внимание.

— *Ах, итальянцы! Открытый, жизнелюбивый народ. Не то испанцы. Пережитая ими инквизиция и мавры навсегда внесли в их характер трагическое мироощущение, особенно ярко выразившееся в песнях. «Этот стон у них песней зовется». Не то итальянцы. Близость папы спасла их от жестокости и насилия. Они, наверное, не смирились бы с этим...*

Strada Nova. Почти такая же широкая и длинная, как улица Garibaldi, но та на другом конце города.

Здесь главное не пройти мимо узенькой улочки, ведущей к fermata Ca'd'Oro, и

свернуть в нее. Иначе по Strada Nova можно уйти далеко-далеко, до железнодорожного вокзала. Так же, как и тогда, в узкой улочке друг на друга поставлены мостки. На них сидят и закусывают, попивают водичку или пиво туристы. Местные сидят за столиками кафе, расставленными на улице.

Вышел к воде. Grand Canale. Вдохнул полной грудью влажный прохладный воздух. Все так же, как пять лет назад: гондолы скользят по воде, проносятся, поднимая зеленую волну, катера и водные такси; неспешно плывут вапаретто, сменяя друг друга у дебаркадера — одни отчаливают направо, другие налево.

И поплыл по Grand Canale. Мимо сказочно прекрасных дворцов. Проплыл под Realto. San Toma. О, что это?! Слева, нависая над водой, какое-то чудовище, подобие фигуры человека с круглой головой. Поравнявшись с ним, видишь, что туловище его разъято на две части — тонкие пластины из черной жести, скрепленные арматурой. Только издали оно представляется монолитным. Лицо обезьянье.

— *Кто осквернил город этим «произведением искусства»? Кому пришло в голову нарушить гармонию красоты и безукоризненного вкуса сим чуждым предметом, порождением безумного, безумного века!?*

«Fermata San Marco!» Громко по радио называют остановку. Приехал.

Вот и искомая улочка Rasse. Щель, а не улица. Если идти рука об руку, то не разойдешься со встречным человеком. Узкая, можно пройти и не заметить ее между двумя Даниелями, оба шикарные отели. По одну сторону. По другую — Лондра. Не менее шикарное прибежище туристов. Здесь останавливался Чайковский.

— *Со вкусом был человек. К тому времени с деньгами. От Надежды Филаретовны фон Мекк?*

Чудесно и то, что напротив улочки у воды на набережной есть скамьи. Если были свободные места, вечерами они сиживали и любовались, как надвигающиеся сумерки делают город еще более сказочным. По черной, почти невидимой воде скользят огни вапаретто, катеров. Или, бывает, на выходные в канал вливается круизный лайнер, многоэтажный дом, освещающий темную воду вокруг себя. Напротив, через канал кьеза Santa Mariade Salute, днем различимая во всех деталях, в темноте наступающей ночи превращается в громадный сказочный силуэт. По темной воде скользят бесшумно гондолы. Насладившись покоем и красотой, шли по узким улицам в свете ресторанов и витрин магазинов к себе, в уютный отель «Са”d”Ого».

«Antigo Travatore» почти такой же. Небольшой. С десятков номеров. Если не знать о его существовании на узкой улочке, можно, не заметив, пройти мимо. С улицы стеклянные двери. Они бесшумно раскрываются, чтобы впустить посетителя, когда к ним приблизишься. Поднимаешься по лестнице в один марш и оказываешься перед ресепшн. Формальности занимают три минут. Получаешь ключ от номера. В тесном лифте поднимаешься на третий этаж, и ты перед дверью своего номера.

Точь в точь как в «Са”d”Ого» — кровать с чугунным завитушками в изголовье. По беленому потолку толстые коричневые балки. Против входной двери обнаружил еще одну дверь. Открыл и, о, чудо! просторный, больше, чем номер, балкон. Подошел к краю его, к парапету кружевного кованого чугуна. Синее небо без облачка. Прохладный воздух. Совсем рядом, рукой подать, высится кампанила площади Святого Марка. Глубоко вдохнул. Вскинул руки.

— *Дома!*

* * *

Раскрыл дневник. Записал.

«Это бегство? Если, да, от кого?»

— Я вас люблю.

Сказано, проходя мимо, не поворачивая ко мне головы, между собравшимися на планерку сотрудниками издательства.

Показалось, что послышалось. Да и поверить было трудно. Младший редактор замглавреда.

Разница не только в должности — в сорок лет.

Насмешка? Кто знает. Недели через две.

— Я вас люблю.

Опять мне, проходя мимо, не поворачивая головы, среди собравшихся на пресс-конференцию сотрудников и гостей.

У Чехова рассказ есть — «Шуточка». Как похоже. Только роль Наденьки отведена мне. Самое подлое, что я, как героиня рассказа, заволновался. Завоображал. Захотелось снова и снова услышать это — «я вас люблю». Только саночек не было и стремительного, захватывающего дух полета вниз по снежной горке не было. А было, что приходя на какое-либо издательское сборище, искал глазами ее, и если она была, то, бес попутал, искал повода оказаться рядом и ждал этих самых слов.

Было отчего. Молодая, умная. Лицо удивительно чистое и свежее, как у ребенка. Голос тоже почти детский, девичий...

«О, как на склоне наших лет...».

Захлопнул дневник и встал. Заходил по номеру. Тесно, не разойтись. Сел за стол и снова встал.

— *Нет! На воздух. К каналу. К гондолам. Не затем приехал, чтобы предаваться воспоминаниям. Венеция исцелит. На нее вся надежда.*

* * *

В прошлые приезды они обошли все музеи. Теперь настала очередь церквей. Уже знал, что «кьезы» почти те же музеи по богатству произведений искусства в них. Ближайшей от Античного Путешественника была chiesa San Zaccaria. Из улицы Rasse направо по Salisato Provolo и перейти через мост над каналом. Не мост, а мосточек, горбатенький, как почти все в Венеции. Берега города низкие, а под мосточками надо проплывать гондолам и катерам. Не удержался. Остановился на мосту и ждал, когда проплывет по каналу гондола. Черный лебедь с изящно изогнутой шеей, плывет бесшумно, как приведение.

Коротенькая улица и небольшая площадь, а на ней белый лебедь — устремленная вверх церковь San Zaccaria.

Внутри полумрак. Ни икон, ни царских врат — алтарь на виду. По стенам картины, огромные, темные. Подсвечены только лики, нет — лица. Они не для поклонения. Библейские и евангельские узнаваемые сюжеты. А имена художников! Эрмитаж. Лувр. Прадо!.. И все это в одной из многих церквей маленького итальянского городка.

На одной из картин, что сразу налево при входе, после обхода церкви по кругу останавливается взгляд. Картина светлее других. То ли она излучает свет, то ли свет устремлен только к ней... На ней изображена молодая женщина с младенцем. Она поддерживает его, он стоит на ее коленях, упираясь в них ножками. Она сидит в высоком кресле, троне. По обе стороны от нее двое мужчин и две женщины в длинных одеяниях, ниспадающих изысканными складками. У ее ног сидит юноша со старинным музыкальным инструментом похожим на большую скрипку. Взгляд женщины не обращен к зрителю, глаза опущены вниз. Выражение лица печальное и кроткое. Бережно держит младенца. Стоящие по обе стороны от нее женщины склонили голову. Мужчины стоят к ней спиной. Один держит в руках раскрытую книгу. Другой погружен в свои мысли.

— Это не икона, не картина. Это рассказ о предчувствии большой скорби, ожидающей ее и младенца. Она потеряет сына. На ее глазах он примет мученическую, уничтожительную смерть. Ей говорили, он станет царем, спасет народ Израиля, а он распят, как разбойник, вместе с разбойниками. Как его истязали, как глумились над ним! Больно было смотреть на его истерзанное тело, распятое на кресте. Сейчас он стоит на ее коленях, голенький, беззащитный. Еще не знает, что его ждет. Знает, ведь Он Бог! А пока впереди человеческая жизнь длиной в тридцать три года... Как прекрасна может быть женщина!

Выйдя из церкви, прошел узкую улочку и очутился на небольшой площади с кустами рододендрона и скамейками. Сел, чтобы отдохнуть и удержать еще на некоторое время в себе чувства, пережитые перед только что увиденной картиной. Картина называлась просто: «Мадонна с младенцем и святыми», а написал ее Джованни Беллини. Так написано было на табличке под картиной.

— Какой прекрасной может быть женщина! Другие мадонны, писанные итальянцами и прочими, смотрят на зрителя, словно фотографируются. Эта опустила глаза в горестном предчувствии. Есть одна, рафаелева, Мадонна дель Грандуко. Та тоже не смотрит на зрителя, но это от смирения или даже застенчивости — моль, за что мне такая честь — родить Бога?

Напротив скамьи, на которой сидел, он увидел небольшое кирпичное здание с готическим фасадом. Привлекла внимание металлическая табличка перед входом. Встал, подошел и прочел знакомое имя Antonio Vivaldi. Так вот где крестили младенца, носившего это знаменитое имя! Это была большая удача, неожиданно найти эту церковь. Название гласило, что это chiesa San Giovanni-in-Bragora. Здесь, как обозначено в путеводителе, был крещен в католичество сладкозвучный Антонио Вивальди. Живо представил себе рыжеволосого младенца, в крике которого, уже тогда, наверное, угадывались итальянские мелодии.

Церковь удивила скромностью декора. Мало картин. Больше голых кирпичных стен. Посетителей нет. Подошел padre. Пожилой сухощавый человек в серой сутане: — «Russo?»

— Как догадался? Видимо, захаживали сюда соотечественники, произвели некоторое впечатление, и святой отец научился отличать их от других иностранцев.

— Да. Sì.

— San Giovanni,— и показал на стеклянный саркофаг у стены.

Подошли вместе. За стеклом укрытый до головы одеянием лежал человек с черным лицом.

Перекрестился. Поклонился.

Padre подвел его к столу, на котором россыпью лежали ламинированные иконки величиной с игральную карту. Не иконки, а репродукции с картин, что висят в кьезах, на библейские и евангельские сюжеты работы итальянских мастеров. Перебрал картинку, нашел в россыпи православную иконку, протянул, сказал;

— San Giovanni,— показал на саркофаг.— И отошел.

Взял иконку и вышел из храма.

* * *

В номере раскрыл дневник.

«— Мы вас любим! — сказала она, когда вместе с другими сотрудницами издательства подошла ко мне год назад поздравить с днем рождения. Глаза ее сияли, Может, так показалось?... Забавляется? А ты, старик, уж размечтался. Сколько тебе лет?! «О, как на склоне наших лет...». Прецеденты были. Гете, Тютчев... Только заканчивались они плохо — для одного из двоих или для обоих.

В издательстве держат. Но поговаривают о том, что нужна молодая кровь. Мол, засилье стариков. А где их взять, молодых? «Вы нынешние ну-тка...». Верхогляды. Работа с авторами дело не простое. Надо знать жизнь так же хорошо, как эти самые авторы. Или даже лучше. Иной напишет такое, что и сам не знает, что написал. Пишет о том, чего не пережил, не понял, не вдел. Написать хорошо можно только о том, что хорошо знаешь. Набрали молодых. Их учить надо... А как учить, если они тебе в любви объясняются».

* * *

— *Торчелло. Надо плыть на Торчелло. Написано, что там сохранились храмы византийских времен — базилики.*

Как добраться туда, спрашивает в кассе на набережной. Пожилой итальянец с трудом понимает его английский. Жесты и такой же плохой английский кассира. Понял, что сначала надо плыть до острова Бурано, а там пересадка, и на Торчелло.

— *Мимо острова Буяна...*

Оттуда каждые полчаса небольшое суденышко отправляется на знаменитый остров. Знаменитый тем, что с него начиналась Венеция. От Бурано до Торчелло оказалось всего десять минут плавания.

Суденышко заполнено народом. Как всегда, вездесущие японцы с фотокамерами на груди...

— *Видимо, испытывают голод по визуальным впечатлениям: раз в год только сакура да Фудзияма. Маловато.*

Маленькая пристань. Дорога идет вдоль канала. С другой стороны канала поле, заросшее итальянским бурьяном. Кроме туристов, местных нет. Небольшое кафе. Но все так же, как в городе — огромная кофе-машина. Разнообразная снедь в витрине. Мужчины-официанты в белых рубашках. Неторопливые, улыбчивые. Понимают, на каком бы языке ты не говорил.

Зашел, посидеть в прохладе, так как день для октября выдался жаркий... Заказал чашечку капучино.

Дорога приводит на площадь. При входе в нее лавочки, торгующие разнообразными туристскими безделушками. И рядом два больших храма. Они отличаются от виденных в городе церквей. Без высоких куполов. Скромный фасад. Кирпичные, не облицованные мрамором наружные стены. Внутри — храм, а не chiesa. Нет картин в золотых рамах. Нет беломраморных скульптур. Во всю стену фреска, изображающая Страшный Суд. Напротив мозаичная икона Божией Матери с младенцем Христом. Традиционная композиция — склонила голову к головке Младенца. Византия. Еще до схизмы. Перед храмом крестильня — большой круглый бассейн. Воды нет. Под большим зеленым деревом кресло из белого мрамора. В него усаживается девушка, парень ее фотографирует. В путеводителе пишут, что кто посидит в этом кресле, будет счастлив всю жизнь. Прошел мимо.

Больше на острове смотреть нечего. Жилых домов не видно. Пустые пространства, заросшие бурьяном. Безлюдье и тишина.

— *Вот где, наверное, хорошо пишется. Завалиться бы сюда и работать, не покладая рук.*

Обратный путь показался длиннее.

Вапаретто, покачиваясь на волнах, неторопливо плыло в Венецию. Берега были далеко. Рассматривать было нечего.

— *Почему только на старости лет приходят мысли о Боге? Потому что оглядываешься назад и видишь, сколько глупостей наделал. Есть такие, за которые стыдно. Рассказать о них кому-то, не поймут, зачем рассказываешь. Оправдают. Скажут, старик, с кем не бывало. Но от этих слов не станет легче... Но глупости*

делать продолжаешь, пусть мелкие, так себе, но уже corriшь себя. Оглядываешься на совесть, Бога. Видишь, что твои глупости кому-то приносят печаль, что кто-то даже страдает от них. Рефлексия? Не модно? Совесть бывает в моде? Вера в Бога бывает модно? Стала модной. А совесть? Была ли когда-либо мода на совесть?.. Храмы должны пробуждать такие мысли и чувства. Когда храмов нет, мысли такие не возникают. Город, на улицах которого нет храмов, не попадают монахи, черств и себялюбив... Страшный Суд в храме — не Мекеланджелев. Нет голых тел. Нет Христа-атлета. Это огромная икона. Ее не разглядываешь, перед ней благоговеешь...

Час прошел незаметно.

— *Prosima fermata San Marco!* — голос из репродуктора пробудил от размышлений.

* * *

Сел на лавочку. Их мало в Венеции. Только на редких piazzeta, маленьких piazza, напоминающих скверы, можно отдохнуть. На улицах посидеть негде. Тротуары перед кафе заставлены столиками. Только сядешь, является официант — что желаете? Хитрые итальянцы... А желаешь только посидеть. Приходится вставать и двигать натруженные долгими прогулками ноги дальше...

Подошла пожилая итальянка и наклонилась над мусорным баком. Порылась в ней, достала кусок пиццы. Заметила его взгляд, улыбнулась и стала крошить пиццу на мелкие кусочки и сыпать на тротуар. Слетелись голуби. Засуетился, закружился хорювод у ее ног. Она еще раз посмотрела на него и снова улыбнулась. Взгляд ее говорил — мол, ты напрасно подумал, что нищенка...

В самом деле, в Венеции не встречал людей с протянутой рукой. Пожилая итальянка, ради голубей рывшаяся в мусорной урне, была вполне прилично одета, с приятным спокойным лицом...

В Венеции много стариков мужского и женского пола. Но как одеты! Как ухожены! Их легко отличить от туристов. Они одеты «по-домашнему» — без кроссовок и курток. Пальто на мужчинах черного цвета не увидишь, только зеленые или беж, а то и просто желтые. Стройные. Толстых не видел. Чаще со спутником или спутницей. Спутницы часто в норковых манто, хотя только начало октября, еще тепло, с непокрытой головой. Изыщны, какими, наверное, были герцогини и графини. Может, это и есть герцогини и графини, унаследовавшие эти прекрасные дворцы, стоящие на воде Большого Канала. Угрюмые и озабоченные лица не попадают. В полдень по улице шествуют группками школьники. Опрятно одетые, слышна итальянская скороговорка, смех, лица светлые, вид здоровый...

— *Надо всю жизнь прожить, окруженным красотой, чтобы так одеваться, так принимать жизнь.*

* * *

В номере у него просигналил мобильный телефон.

— *Кто бы это мог быть? Главред? Знает, где я. Отпустил без вопросов.*

Не торопился взять аппарат. Умылся. Освежил лицо. Жарко было на улице.

Лег на кровать. Звонок означал поступление SMS.

На экране высветилось:

С днем рождения. Я вас люблю. Целую.

Это была она.

Непроизвольно сел на кровати. Потом опять лег. Сердце неприятно заколотилось в груди.

— *Что это я, как мальчишка... Видимо, помнит, что сегодня мой день. У кого взяла мой номер?*

Ответа он не знал. Чтобы дать ей номер своего мобильного, подумать было нелепо. Чтобы она попросила телефон сама, тоже никак не вязалось со здравым смыслом: никаких «отношений» у них друг с другом не было. Только обмен взглядами и улыбками.

— *И быть не могло! Бред какой-то.*

* * *

На другой день решил ехать на San Michele.

Для этого надо было пройти от San Marco через все Cannaregio до Fundamento Novo. А там рукой подать. Островок Сан Микеле виден с набережной. Еще в прежние приезды хотели посетить это место упокоения жителей Венеции и некоторых знаменитых людей. В том числе русских. Но все не складывалось. Были захвачены азартом увидеть как можно больше достопримечательностей Венеции. Теперь время пришло.

— *Старики любят ходить на кладбище. Наверное, прикидывают, сколько им еще осталось, вглядываясь в даты рождения и смерти на памятниках.*

Вместе с ним на вапоретто взошла пожилая дама с букетом цветов. Еще одна и тоже с цветами. Он знал, что венецианцы часто посещают могилы родственников. Может быть потому, что из-за малости территории кладбища через каждые десять лет могилы сносят, чтобы захоронить новых покойников. Оставляют могилы только очень богатых, знатных. И знаменитых. Их могилы и хотел увидеть.

Они были в самом конце. К ним надо было пройти через захоронения венецианцев. Это были ухоженные могилы, в цветах, белые кресты и плиты, стоящие вертикально, никаких загоронок, так привычных для русского взгляда на русских кладбищах.

— *Привыкли мы жить за заборами. Здесь и на кладбище свобода.*

На русско-греческой части тоже не было загоронок. Было грустно смотреть на забытые могилы, заросшие травой, серые в трещинах каменные плиты. Слева могилы, на каменных плитах которых с трудом можно прочесть латинские буквы — *Esaterina Vagrationsi, princess Trubezkaja...* Имени не разобрать... Русские знаменитости у стены. Изящное надгробье на могиле Дягилева. Две мраморные белые плиты рядом — Стравинский и его жена. Лежат подвявшие цветы. Могилы Бродского нет рядом с ними. Она особняком. Стоит белая плита. Русскими и латинскими буквами написаны имя и фамилия. Даты рождения и смерти. Рядом куст красной розы. На могиле букет свежих цветов.

— *На Васильевском острове собирался умирать. Воля жены лежать здесь. Любил он Венецию. Да и как ее не любить... Большой поэт. Но стихи у него какие-то не русские, интернациональные. Не был он лириком в русском смысле этого слова. Слишком хорошо знал английскую поэзию. Слишком долго жил в англоязычной среде. Русский Джон Дон... Ни на кого не похож... Русские кладбища и здесь, в Европе представляют собой грустные зрелища... Посидеть у могилы, как принято в России, не на чем. Нет здесь скамеечек, чтобы посидеть у заветной могилы, подумать о бренности человеческой жизни и славы...*

Снова прошел через католическое кладбище и вышел на пристань.

За те десять минут пути от San Michele до Fundamento Novo в голове промелькнула целая вереница мыслей о смерти.

— *Люди умирают по-разному. Кого удар хватит. Паралич расшибет. Другой под колесами авто погибнет. Третий умирает долго и мучительно от рака. Кому-то посчастливится умереть сразу — от сердечного приступа, без мук и обременения своей особой близких. Праведники живут долго, и смерть для них как желанный сон. Как сказано в Библии — он пресытился днями жизни и с миром отошел ко Господу... Какая ждет меня?..*

Долго, в раздумьях, шел, пересек все Cannaregio и на Piazza San Marco у входа в церковь, переделанную в концертный зал, купил у молодого человека билет на концерт.

Зал небольшой. Места не нумерованы, обычные стулья, выстроенные в ряд. Они бывали здесь в каждый свой приезд. Играли всегда Вивальди. Сначала играли «Времена года». Всегда слушали с удовольствием. Может, от сознания, что композитор когда-то жил здесь, в этом городе, рядом, ходил по тем же самым улицам, по которым они только что шли. В последний их приезд в концерте участвовала молодая девушка. Играла на скрипке solo. Другие музыканты ей подыгрывали. Как она играла! Звуки летели, неслись друг за другом. Завывала буря, грохотал гром, залиристо пели птицы, журчала вода, ярко светило солнце, свистел ветер... Левая прядь ярко-желтых длинных волос была закинута за спину, правая свисала на грудь. В белой, голой до плеча руке смычок порхал над струнами. Все ее молодое тело, изящно-тонкое, в черном облегающем платье, было напряжено, изысканные движения его усиливали воздействие музыки.

В этих концертах не объявляли имена исполнителей. Под впечатлением услышанного и увиденного, проходя мимо молодого человека, продававшего билеты и после концерты стоявшего в дверях, они спросили тогда — как зовут девушку, которая играла соло на скрипке. Елена Лупеску,— был ответ.

* * *

Оставалось еще полдня до концерта, и решил идти к Chiesa Madonna del'Orto. Эту церковь расписывал Тинторетто. В ней же и захоронен. Жил рядом. Именно это привлекло его внимание. Он видел картины этого художника в других музеях. Поражало то, что его мужские портреты, может быть не столько психологически глубокие, но так же, как у Рембрандта, выполнены на глубоком темном, почти черном фоне. Когда родился голландец, итальянец уже умер. Бывал ли Рембрандт в Италии, видел ли тинтореттовы работы?

Идти было далеко и интересно. По широкой Strada Nova мимо кафе, ресторанов, банковских офисов в толпе итальянцев и туристов всех народностей. Напротив большого магазина перед мостиком через канал толпа зевак. Подошел ближе. В полукружии толпы парень с азиатским лицом показывает фокусы. «Работает» на детей. Вытаскивает из кармана маленькой девочки длинную вереницу связанных за кончики платков. У другой — из рукава достает красный мячик. Мальчику что-то кладет в ладонь, и из нее вылетает к небу воздушный шар. Каждый номер сопровождают аплодисменты детей и взрослых. Потом фокусник с целлофановым пакетом обходит зрителей. И дети, и взрослые опускают туда монетки ...

А напротив, рядом с входом в большой продуктовый магазин Villa — сидит закутанный в одеяла мужчина с обросшим щетиной лицом. Перед ним на грязной подушке белая одноразовая тарелка. В ней тоже монетки...

Переходя горбатенькие мосты, входя в малолюдные улицы, вышел к лагуне. Это была окраина города, север Cannaregio. Площадь перед церковью пуста. Красного кирпича фасад. Стрельчатые окна. Готика. Венецианская.

— *Тинторетто, конечно, не Рембрандт. У него темный, почти черный глухой фон. У Рембрандта — тоже темный, но не сплошной, а как бы мерцающий, переливистый. Оттого лица портретируемых живые, не застывшие, интересные. Можно долго рассматривать, беседовать, сочувствовать изображенным голландским старикам и старухам.*

В церкви много тинтореттовых картин. Преобладает темный фон. В приделе стоит большая белого мрамора Мадонна. Скульптура похожа на огромную сахарную головку.

В метрах ста от храма у канала рядом с горбатеньким мостом на углу двухэтажный дом. Простенький. Не palazzo. Здесь он жил. Ходил в церковь Madonna del'Orto. Писал картины, которые расходились по церквям Италии, музеям мира.

— *Завидный удел. Без суеты, без погони за успехом, без соперничества и зависти — жить и делать любимое дело. Сюда не доносятся звуки карнавалов, здесь редко по каналу проплывет гондола, не устраивают праздничных шествий и регат. Здесь можно без помех предаваться творчеству.*

* * *

Дорогой в отель он думал о полученном от нее сообщении. Кажется, он не давал ей никакого повода обратить на него особое внимание. В издательстве были мужчины помоложе его. Она редактирует его статьи. Он страстно любит искусство — живопись, музыку. Умеет писать интересно, увлекательно. Но сколько на свете книг об искусстве, написанных страстно и увлекательно. Ему удавалось разглядеть в исторических материалах и самих произведениях искусства и особо показать влияние женщин на мастеров прошлых веков. Рафаэль и Форнарина. Лики его мадонн носят на себе черты этой простой итальянской девушки. Оттого мадонны женственны, милы... Как прекрасны женщины Боттичелли. Сколько изящества, грации. Произведения Микеланджело совсем иные. Даже его женщины — сивиллы — мускулистые, источающие грубую мужскую силу, как и все его скульптурные и живописные мужчины... Давид. Христос в картине Страшного суда что Ватикане.

— *Были ли у Микеланджело женщины?*

Он любит женщин, и это чувствовалось в его статьях. Видимо, это привлекло к нему ее...

— *Ты слишком мастит, чтобы молодая женщина просто так, глядя тебе в глаза, сказала о своих чувствах. Решилась только на дистанционное признание. Тоже способ. Современный. Хотел бы видеть ее глаза, когда она набирала текст. Наверное, дрожали руки. Впрочем, не обязательно. У современной молодежи не дрожат руки в такой момент.*

Вспомнил, что кто-то сказал ему о новом младшем редакторе, что она была замужем. Но теперь свободна.

— *Атаку такой женщины выдержать трудно.*

Вышел на Strada Nova. Напротив магазина Villa азиатского вида парень все так же показывал фокусы. Рядом с дверью магазина небритый мужчина, укутавшись в одеяла сидел перед пластмассовой тарелочкой, в которой блестели монетки.

Шел медленно. До вечернего концерта было еще целых три часа. На Ca'd'Oro взошел на вапаретто и сошел на San Marko. На пристани сел на лавочку и долго смотрел на проплывавшие мимо гондолы, катера, вапаретто. На Santa Mariade Salute, высившуюся на другой стороне Gand Canale. Совсем другая архитектура, не как у красноликой Madonna del'Orto. Santa Mariade Salute была серая, словно из стали.

* * *

В номере раскрыл дневник. Поставил перед собой пластмассовый баллон с домашним вином, которое еще с прежних приездов в Венецию стал покупать у пожилого итальянца, державшего лавку близ FundamentoNovo, торговавшего вином собственного приготовления. В небольшом помещении громоздились огромные деревянные бочки, из которых он, открыв кран, цедил вино в пластмассовые баллоны разной емкости — литр, полтора, два. Всегда брал белое. Легкое, пахнущее виноградом.

Налил в пластиковый стаканчик, который всегда есть в ванной комнате для полоскания рта. Отпил глоток.

«Проходит время, прежде чем любимый человек становится родным. Весь мой житейский и семейный опыт говорит об этом. Любимого можно разлюбить, родной навсегда остается родным.

У нее все впереди, у меня позади целая жизнь... Я умру скорее, чем она успеет сделаться мне родным человеком. И я, навряд ли, успею стать родным для нее. Что тогда?

Страшно и смешно подумать, что это может случиться.

Страшно оттого, что — «недолго музыка играла». Для меня скоро зазвучит совсем другая музыка. Невеселая. И какие-то годы ее жизни станут для нее потерянными.

А смешно? Смешно и грустно. Можешь себе представить выражение лица портье, когда будешь вести ее в Antigo Travatore в номер на двоих. Стыдно будет и за себя, и за нее. У нее по-детски такое милое лицо, и улыбка как у ребенка.

И вообще, как только могли прийти в голову такие мысли. «...бес в ребро»? Или «...продлись, продлись очарованье...»? Или «...как дай вам Бог любимой быть другим...»? Или «Неравный брак»?.. Б-р-р, смотреть на эту картину нельзя было без чувства отвращения.

Нет, старик, это не для тебя... Уймись».

Отодвинул тетрадь. Вино кончилось. Налил в стаканчик вкусной венецианской воды. «Она идет по трубам с альпийских гор», — сказал им молодой итальянец, говоривший по-русски с акцентом. Жена у него русская, сказал он. На их глазах он пил воду на улице из колонки, и они спросили его, как это можно? «Попробуйте, очень вкусно», — был ответ. И они попробовали.

Подвинул к себе дневник

«Какую магическую силу могут иметь цифры! В 60, 65, даже в 68 вроде еще не старость. Но вот 70! Что произошло? На один год больше, чем 69. Но это — старость. Это первая мысль. Вторая, которая раньше никогда не приходила в голову, — сколько еще осталось?»

70! Что изменилось?

Психологически стал более уязвим. Часто постигает обида. Чаше за небрежение к своей персоне. Более чувствителен к невниманию, невежливому обращению. Обида сохраняется дольше. Тягуче анализируешь — за что? почему? Чаше винишь других, чем себя.

Интеллектуально, кажется, не ослабел. К сожалению, лень осталась. Корю себя. Планы творческие есть. Успею ли? Говорят, наличие планов, желание осуществить их продлевает жизнь. Сколько еще осталось? Никто не скажет.

Что заметно поменялось — это художественный вкус. Вместо Маяковского — Тютчев. Толстого сменил Чехов. Раннего Бетховена — Бах. На смену Ван Гогу, Гогену, Леже пришли Боттичелли, Эль Греко, конечно же, Веласкес. Что осталось — любовь к бардовской песне. Окуджава, Визбор. Конечно же, Высоцкий. Конечно же, русский романс. Подобного ему нет ничего в мировой музыкальной культуре. Высоцкого почитаю за одного из самых больших лирических поэтов второй половины минувшего века. Одни «Кони привередливые» чего стоят!

Секс. О, этот секс! «Голод, страх и вождение три великих божества», — поет Александр Дольский. Слишком большое место он, секс, занимает в жизни человека в молодости. Его затухание — свидетельство ее ухода. Вот почему воспринимается оно как трагедия. С молодостью всегда не хочется прощаться. Чем секс заменить? Творчеством? Но секс тоже творческий акт. Так же требует воображения и изобретательности. Так же требует постоянного упражнения. А простои чреватые успехом. Увядает ли творческий потенциал с затуханием сексуальных подвигов? Опыт великих, вроде бы, не позволяет это утверждать. Но творения их становятся суше, назидательными.

тельнее, более от ума, чем от сердца. «Анна Каренина» и «Воскресение». Последнее не воспламеняет. Да, секс с возрастом затухает. Это неизбежно. Но воображение еще долго мучает стареющую плоть. Перед тем, как совсем угаснуть, еще бывают вспышки, но они становятся все реже и реже».

— *Пора в концерт.*

Встал из-за стола. Закрыв дневник. Надел, свежую рубашку, пиджак. Вышел на улицу. Уже стемнело. Город стал волшебным. Огни рекламы, витрины магазинов, ресторанов, отраженные в воде. Можно было коротким путем, повернув налево по выходе из отеля, дойти до концертного зала, но он повернул направо и вышел к Grand Canale.

По черной воде бесшумно плыли гондолы, вапаретто причаливали к fermata, и выходявшие из них люди направлялись на San Marco. Было время. Сел на лавку и долго смотрел перед собой и ни о чем не думал.

Была суббота. В город вплыл огромный лайнер и огнями своих многочисленных палуб осветил все вокруг.

Встал. Миновав Palazzo Ducale, вышел на площадь. Она была полна народа и блистала огнями. На высоких помостах под белым балдахином играли оркестры. Их было три. Площадь была так велика, что они не мешали другу. Особо изыскано были одеты музыканты, игравшие перед знаменитым кафе Florian. Играли все, и классику, и вальсы. В вальсе, если позволяло пространство, кружились пары. На крыше большого дома две чугунные фигуры стали молотами по очереди ударять в большой черный колокол, который был между ними. Площадь наполнилась гулкими звуками.

— *Пора.*

Когда он вошел в зал, оставались еще свободные места. Они остались и тогда, когда пришло время концерта. Праздник на площади привлекал публику больше, чем праздник музыки в уютном зале.

Как и прежде, по проходу справа от рядов стульев откуда-то сзади к сцене прошли музыканты, держа в руках инструменты — скрипки, виолончель, контрабас. Когда они поднялись на сцену, публика коротко поаплодировала. Они поклонились и сели.

Он знал, что сначала будут «Времена года». Лица музыкантов были знакомы по прежним посещениям этого зала. Видимо музыканты еще не «разогрелись», или оттого, что не было дирижера, вступили неровно, иногда не все попадали в такт. Но Вивальди есть Вивальди. Даже это несовершенное исполнение волновало.

Положил руки на спинку впереди стоящего свободного стула и на них опустил голову. Закрыв глаза.

— *Как хороши старые мастера. Все были мелодисты. Без мелодии тогда музыкант не считался композитором. Вивальди, Моцарт, Гайдн, Бах... это поток, бурный поток мелодий, музыкальных образов, сменяющих один другого. Какое разнообразие ритмов. Под эту музыку не задремлешь. Она хватает тебя за сердце и влечет за собой, вызывая волнение и восторг... Бетховен виноват. Он придумал разработку темы. Теперь каждый мало-мальски искусный композитор придумает убогую мелодию и тащит ее бесчисленное количество тактов. Но то был Бетховен. Возьмите первую часть Пятой симфонии. Мелодия из четырех нот. А какое пиршество звуков, какой волшебная изобретательность. «Вы, нынешние, ну-тка!»*

Раздались аплодисменты. Поднял голову. По проходу к сцене шла она, Елена Лупеску. Поднялась на сцену. Поклонилась публике, поклонилась музыкантам. Откинула длинную, желтую прядь волос за левое плечо, положила на него скрипку и вскинула смычок.

Он выпрямился, чтобы через головы впереди сидящих лучше было видеть солистку.

И зазвучал настоящий Вивальди. Он долго вслушивался и не мог понять, что это. Времена года? Но «осень», «зима», и другие времена звучали необычно, как парафраз или вариации на тему. Те же громы и молнии, те же завывания ветра, журчание ручьев и пение птиц, но исполненные вдохновенно, искусно, обогащены фантазией. Кто это сделал? Неужели Лупеску?!

Она вела за собой небольшой оркестрик. И он зазвучал по-другому — слаженно. Музыканты вслед за солисткой, играя, так же, как она двигались в такт музыке. Они всем вместе представляли собой единый, одушевленный музыкальный инструмент.

Сдержат волнение было невозможно.

Елена ушла на отдых. На сцене остался оркестр. Они стали играть.

Он положил руки на впереди стоящий свободный стул и опустил на них голову. Зазвучала музыка, которой он не знал.

Вдруг наступила тьма, и звуки музыки исчезли.

* * *

Когда концерт окончился, и публика разошлась, служитель увидел, что в зале остался человек. Он сидел, положив голову на спинку впереди стоящего стула. Служитель подождал несколько минут, потом подошел.

— *Signior*.

Ответа не последовало. Тронул сидящего человека за плечо, тот повалился на стул рядом.

Приехали карабинеры. Затем врач.

Тело отвезли в морг.

Под диктовку судебного медика санитар записал в регистрационную книгу — Pjotr Pjetrov. Russia.

Когда стали снимать пиджак, что-то выпало и звякнуло, ударившись о мраморный пол.

Карабинер поднял. Это была монета в два еуго.

Александр Сорокин
(г. Тула)

ВРАТА АДОВЫ. ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

Александр Сергеевич Сорокин закончил Первый Московский медицинский институт, работал хирургом в больницах Тулы. Является почетным членом Болгарской ассоциации патофизиологов, членом президиума Российского гомеопатического общества. Доцент, кандидат медицинских наук. Работает в Тульском медицинском институте и ведет прием больных как врач гомеопат.

— Смотри, Саша,— в очередной раз назидательно обратился ко мне мой спутник, когда мы возвращались со сбора клюквы в глухой архангельской деревне,— вот здесь на месте этих развалин двадцать лет назад была библиотека. А рядом — баня. Все разрушено и ничего не построено.

Я скривился, потому что почувствовал приближение бесконечного и бесплодного спора о путях России и о том, когда в ней было лучше жить. Что я мог ответить? Что в библиотеке той, скорее всего, наличествовал Блокнот агитатора, подшивка Правды да горы литературы, которую сейчас прозвали секретарской? Надо признаться, что этот ответ показался мне не то, чтобы неверным, но каким-то неубедительным, умогательным, и я уступил поле боя, промолчал. Но в памяти засела заноза.

Вскоре после этого мне довелось путешествовать по северу на круизном теплоходе. На посещение Валаама организаторы отпустили всего полдня. Первый раз был я здесь в семидесятые годы и застал еще доживающих свой век инвалидов войны. Память моя хранила послевоенные годы. Ярким солнечным днем искалеченные люди сидели на тележках с шарикоподшипниками и просили милостыню на площади перед базаром, а те, кто мог, подрабатывали, натачивая ножи и ножницы. Вид их оскорблял «чистую» публику и однажды они исчезли. Сразу все. Переместившись в частности и на Валаам. Но не они были предметом моего интереса. Одна из серии книжечек с завлекательным названием «Дороги к прекрасному» повествовала об Ильинском ските на Валааме, об удивительных росписях в церкви. Сам Александр Дюма восхищался ей. «Маленький архитектурный шедевр... подлинное сокровище». Скит расположен на маленьком островке, к которому ведут деревянные мостки. В те годы здесь располагалась колония психохроников. У входа в их владения нас встречал высокий мрачный парень, монотонно бьющий камень о камень и другой маленький льстивый человечек, увлекающий нас.

— Заходите, заходите, любопытствуйте.

Недоуменно смотрела на меня моя спутница. Обшарпанная церковь была закрыта на замок. В алтарной части хлопала от ветра рама с выбитыми стеклами. Вскарabкавшись по стене, ухватившись за эту раму, знал ли я что предстанет моему взору? Конечно, догадывался. Смыты были росписи дождями десятилетий, ворковали под

куполом голуби, осыпавшаяся кирпичная пыль застилала пол. В очередной раз мне стало неудобно. Я как будто обманул людей, позвав их сюда. Да и сам я зачем при- тащился сюда? Хотел ли я, как апостол Фома, вложить персты в разверзнутые раны? Или смутно виделось мне, что когда-нибудь вернусь сюда, и можно будет сравнить впечатления?

Но раз уж пришли, надо посетить и келейный корпус. В нем перед нами предста- ли не люди — нет — подобия звероподобных существ с любопытством смотрящих на нас, отважившихся проникнуть в их сообщество. Как бесплотная тень ангела сре- ди грешников мелькнула и исчезла медсестра. Мой взгляд непроизвольно задержался на недвижимом больном, белом как полотно. Видимо у него переплелись и психиче- ские и органические поражения. И что за изощренное изуверство — размещать их в этих намоленных как минимум столетие строениях. Вот так, без всякого присмотра, не говоря уже о медпомощи. Что-то отразилось на моем лице, потому что любопыт- ство окружающих нас обитателей внезапно сменилось яростью.

— У, наглые,— закричал тот, который перед этим угодничал.— Другие подойдут и уходят. А эти — прямо сюда!

Ярость исказила и без того лишенные гармонии отупелые лица. И почудилось мне, что мы в аду, и не преминуть нам — принять муки адавы за свое легкомыслие. Но пригнувшись, молча, униженно удалось нам покинуть это место, и еще долго чу- дились нам раскрытыми эти врата адавы.

И вот, через сорок лет я снова на Валааме и расспрашиваю всех, где находится этот злополучный скит. От центральной усадьбы до него было два километра.

— Можной мне с вами? — спросила незнакомая женщина. Я испытующе взглянул на нее. Понятно, что тоже с теплохода. Не слишком молодая, чтобы вызывать инте- рес, не слишком старая, чтобы не могла рысцой пробежать до скита. Времени у нас было в обрез, а если по большому счету, то и совсем не было. И в очередной раз, кляня себя за легкомыслие, я заспешил к скиту. Церковь предстала во всем своем великолепии, плывущая над озерной гладью. Внутри росписи сияли и переливались под проникавшим через окна полуденным солнцем.

— Подождите,— просила меня попутчица,— мне еще надо заказать молебен.

— Какой молебен, у нас час до отхода теплохода и десять километров до приста- ни. Уйдет теплоход, и мы останемся на острове без документов, без денег.

— Так ведь Господь управит,— улыбалась она умиротворенно. Какой Господь, что управит? Ну, я еще могу успеть. Но ведь ей явно не добежать. Но и бросить здесь ее тоже некрасиво. Наконец мы выбрались из скита. Каюсь, я ускорил свой ход, а потом побежал, промчался два километра до основной дороги, взглянул на одиноко стоящий пустой автобус и на бегу никак не мог соотнести оставшиеся мне восемь километров и сорок минут до отхода теплохода. Так продолжалось достаточно долго, пока я не услышал сзади спасительный звук мотора и шелест шин по песку. Автобус остановился рядом со мной.

— Садитесь,— смеялась моя попутчица.— Я же вам говорила: Господь управит. В этом загнанном состоянии я хлопнул себя по лбу. Вот мы спорим, горячимся, ут- верждаем свою правоту, служим своим идеям, ругаем все, что видим вокруг, А глав- ного не видим. Врата адавы закрылись. Это и есть главное. А остальное Господь управит.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ИДЕИ*

◆ Профессор Скородумов, раскачиваясь на заднем сидении полупустого по дневному времени автолайна, прокручивал в мудреной своей голове тему сегодняшней беседы с Прокофьевичем. Понятно, под добротной заварки чаек и — на этот раз, который. Как известно, на другой раз не приходится — бутылочку редкостной сейчас «старки» от серьезной ликерно-водочной фабрики... их мало осталось, вытеснили подмосковные кустари, разливающие северокавказский технический спирт.

Нет, конечно, это не тема серьезной беседы. И без того, начиная с горбачевщины, все давно в СССР, а теперь в России, говорено-переговорено. Супротив лома нет приема, тем более власти. Кстати, в походной сумке профессора «старка» — не сирота, но соседствовала с презентами для хозяйки дома и налогоплательщика кота Мичмана. Так, пустяки, но Тихоновне будет приятно получить переданный супругой Игоря Васильевича литровый заварной чайник Дулевской фарфоровой фабрики, почти захиревший под натиском вала китайского ширпотреба.

Нет, не то чтобы в хозяйстве рачительной Тихоновны, да еще при муже-чаевнике, не имелось «рабочего» и пары запасных заварных чайников. Пусть устыдится тот, кто так подумает! Просто пару месяцев тому назад Игорь Васильевич и хозяин дома как-то в унисон обратили внимание: современные, начиная еще с брежневских времен чайники, как заварные, так и кипяtilьные, фабрикуются с презрением всего многовекового опыта этого дела. А именно: в них отсутствует на крышках крохотная дырочка-выемка. Казалось бы, нет ее и нет, вроде как на температуру кипения воды и качество завариваемого чая не влияет?

Ан нет, такая дырочка равнозначна клапану паровоза, что выпускает излишний пар. Помните из своего детства или из старых фильмов тот паровоз имени братьев Черепановых & Стеффенсонов? — Мчится по чугунке, пушая равномерно клубы белесого пара, а из бокового окошка, изогнувшись в трех плоскостях (3D — как сейчас американизируют русский язык) со зверским выражением пролетарского лица, приставив ко лбу козырьком ладонь, всматривается в набегающий путь машинист: не видать ли на ближнем горизонте махновцев?

А если бы регулятора на паровозе не имелось, то... не было бы и паровоза. Чайники же остались, но вот незадача? — Кипяtilьный чайник при недогляде хозяйки угрожающе заливает газовую конфорку. Заварной же, накрытый для доведения до кирпичной крепости ватинной барыней-куклой, при набухании и разварке чаинок исподтишка заливает из носика конфузливой барыне ее подол, а заодно и белоснежную крахмальную скатерть стола...

И дома у Скородумова все такой же дефектный чайник-новодел. Игорь Васильевич так допек своими жалобами истинного любителя китайского напитка супругу,

* Из цикла «Картинки с выставки»; начало в «ПЗ» № 2, 2013; № 4, 2013.

что та, прохаживаясь по городским рынкам по хозделам, стала интересоваться привозной иногородней торговлей разного рода посудой и как-то напала на дулевский фарфор. Обнаружив же литровые заварные чайники со старорежимными дырочками на крышке, купила три прибора мелким оптом. Один из них и вез сейчас заслуженный профессор. Еще в переметной суме в целлофановом пакетике теплился от утренней варки почти фунтовый кусок трески — для исправного хвостатого налогоплательщика. Опять же супруга позаботилась.

...Все о жратве да о питье, нет бы о духовном, возвышенном? Ох, грехи наши не очень тяжкие.

Игорь Васильевич даже вздремнул вполглаза пять-шесть минут езды.

◆ Так и без кукиша в кармане, то есть без темы-заготовки, вошел Игорь Васильевич в хорошо ведомый ему пригородный дом, традиционно приветствуемый на крыльце дружелюбным «мяу» полосатого Мичмана. Налогоплательщика тож.

Пока Тихоновна споласкивала правильный чайник и заваривала ранее привезенную дочерью настоящий индийский британской расфасовки, что во всяких «спаракопейках» не продается, а Мичман, сытый с утра, из вежливости с притворным рычанием кушал вареную треску, Игорь Васильевич с Прокофьичем в библиотечной комнате обсуждали последние книжные приобретения. В основном дружно хаяли современную полиграфию, но более всего — полное отсутствие грамотной издательской редакции и корректуры. Но подспудно оба нащупывали тему сегодняшней беседы. И, как чертик в балаганной уличной комедии, вдруг она вспрыгнула. Даже Мичман, вошедший в тот миг в *свою* комнату, здесь был ни при чем, хотя коты и черти как-то ладают между собой.

— О-хо-хо,— в предвкушении чаепития задумчиво молвил Прокофьич,— нет, так сказать, краев как в улучшении чего-либо, так и в пакостном ухудшении. Все от времени на дворе зависит. Так и с книгами: от писательства их до издания.

Не подумавши, токмо для поддержания едва начавшегося разговора, Игорь Васильевич почему-то ляпнул ни в склад, ни в лад:

— Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд!

— Эх, Васильич, как ты ловко, по-профессорски гладко да умно сказал-то...

— Да это не мои слова, а Гегелю Георгу-Вильгельму Фридриху вроде их приписывают. А к чему я их вспомнил?

Здесь мысли нашего профессора потекли в русле воспоминания. Тем более что Тихоновна начала сервировать чайный столик, а обожравшийся Мичман начал любимое всеми домочадцами представление: ловлю невидимого людьми чертика, уцепившегося за кончик его лисьего хвоста. Понятно, ловил в формате 3D... Как и вся наша американомыслящая страна бывшего победившего социализма.

А вспомнилось малоприятное из студенческой жизни, а именно зимняя сессия четвертого курса. Самым страшным и ужасным экзаменом считался научный коммунизм. Во-первых, непонятен был сам статус этой уважаемой дисциплины — некая мешанина из ранее изученных конкретных наук: история КПСС, философия и политэкономия. Во-вторых, и в-главных, экзамен принимал — повезло же их курсу! — доцент Щепкин Владимир Галактионович, которому умные тогдашние студенты еще с незапамятных времен приклеили кликуху: Щепкин-Куперник.

Внешне, голосом и манерой поведения Владимир Галактионович явно копировал главного идеолога *нашей* партии товарища Суслова. Вполне возможно, что втуне он искренне полагал и себя главным идеологом Тулуповского политеха. Высшим баллом для своих подопечных он считал четверку. Однако, как всякий неггибаемый ленинец, будучи очень крепко избитым в темное зимнее время в глухом переулке благодарными воспитанниками, очевидно, по его рекомендации отчисленным из инсти-

туда, Щепкин-Куперник и четверки с двумя минусами стал выставлять только самым круглым отличникам...

Жаловаться в те времена на преподавателей не было принято, доносы нигде не принимались. Тем более что Владимир Галактионович являлся, как и Суслов в Политбюро, бессменным зампарторга института по идеологии.

...И угораздило же студента Скородумова, хорошиста и почти отличника, знавшего слабость Щепкина-Куперника к цитированию классиков диалектического и исторического материализма, ляпнуть про гегелевскую идею! *Alter ego** идеолога нашей партии инсультно скособолил челюсть, а аскетично-бледное лицо его вмиг побагровело:

— Ка-а-к! Да как вы смеете? Какой абсурд! По, вашему, выходит, что великая идея коммунизма, доводимая сейчас до совершенства нашей ленинской партией и лично товарищем Леонидом Ильичем Брежневым, в итоге упрется в абсурд?!

Владимир Галактионович, не слушая робкие возражения студента-хорошиста про Гегеля, как предтечу диалектики Маркса-Энгельса-Ленина и лично товарища... швырнул ему зачетку и молча, ленинским жестом руки «правильной дорогой идете, товарищи» указал на дверь.

В коридоре опытные двоечники поздравили своего старосту с наконец-таки состоявшимся боевым крещением, а факультетский фарцовщик Левка Тепляев, племянник областного милицейского генерала, философски заметил и одобрил:

— Теперь, Игореха, в два-три захода будешь пересдавать. Хорошо, как староста, стипуху сохранишь.

Однако обошлось одной пересдачей в сессию. В пивной «Ромашка» двоечники скородумовской группы разработали диспозицию, учитывающую еще одну слабость Щепкина-Куперника: как всякий партийный идеолог и аскет в жизни, Владимир Галактионович трусливо обожал женский пол, особенно смазливых студенток. Этаким мысленный онанист, ибо все физиологическое могло повредить партийному реноме.

На сессионную пересдачу за первый стол перед преподавателем с нарочито и загодя выбитой «занавеской» посадили самую красивую двоечницу, полупольку Катю Дзендзуру. Ей ранее скинулись по двугривенному на моднейшую в сезоне парикмахерскую прическу «гаврош» с челкой-каре, а фарцовщик Левка через мать-завбазой достал диковинные, никем еще в городе не виданные французские люрексовые колготки. Юбку до грани приличия укоротила сама Катюха. И села на стул, пододвинутый к краю стола, как на облучок, закинув ножку за ножку на полное обозрение Щепкина-Куперника, у которого от внепартийного вожделения нос приобрел ядреный сизый оттенок. Словом, даже Левка получил свой тройбан.

...По теперешним рассуждениям Игоря Васильевича и жизненному опыту получалось, что совершенствование идеи превращается в абсурд, если таковое совершенствование доверено фарисеям и книжникам — неважно, от евангелия или от Гегеля. Георга-Вильгельма Фридриха. А в девяностые годы имя Щепкина-Куперника попало ему на глаза в тулуповской желтой газетке в заметке о процветании в их городе педерастии и педофилии, как символов нового светлого будущего.

◆ После первой рюмки и стакана чая вдогонку Прокофьич похвалил «старку» и достоинства чайника с дырочкой на крышке. Отдал должное и содержательности рассказа-воспоминания собеседника:

— Да-а, не дали нам робяты-дерьмократы досмотреться до совершенства *нашего* советского комунхоза. Теперь другое совершенство, вот, за Мичмана платим...

Кот же, закончив ловить чертенка, услышав свое имя, несколько ошарашено уставился на стол, даже для верности обзора вспрыгнув на табуретку. Издеваются, мол,

* Второе Я (лат.).

мужики на угнетенного налогами кота-пролетария: звать звали, но на столешнице ничего съедобного, а водку, чай-сахар, селедку и соленые огурцы он не трескал. Со всем обидевшись, свернулся калачиком и притворился спящим. Вернее, отдыхающим глубоким послеполуденным сном — перед ночным бдением-бодрствованием. Так у серьезных полосатых котов заведено еще с тех доисторических времен, когда шимпанзе и орангутанги в своих самых кошмарных снах не могли представить, что от них пойдет ужасный человеческий род. Особенно в галстуках и при чиновничьих должностях.

Игорь Васильевич, как назубок знавший теорию эволюции, и Прокофьич, не менее хорошо изучивший нрав своего кота, все поняли, переглянулись и рассмеялись.

— Вот скажи, Васильич, когда на белом свете чиновники появились?

— Ну-у, в классическом, нынешнем понимании в древних Китае и Египте, а особенно в Риме. Тоже древнем. То есть если, повторюсь, это «чиновник в вицмундире», сидящий в персональном кабинете. Вот как ваш поселковый голова Пилипченко — из западных хохлов, что Сталин после войны переселил к нам на пустующие шахты — местных-то мужиков всех на фронте поубивали... Или тулуповская, почитай, полноформатная дивизия чинодралов всех мастей и рангов. Целый полк их сидит в администрации на площади Ленина.

— Хм-м, Васильич, я газетки-то почитываю, новости по «ящику» смотрю. Получается, что все чиновники в этих... галстуках вроде как одним делом, праведным и не очень, заняты по всех краях света, но от страны к стране отличаются поведением, степенью воровства и так далее. Как маракуешь? Ведь и морды у них по размеру отличаются.

— А это, как говорят шибко умные люди, действие вектора исторической преемственности. Вот в Европе — прямые потомки древнеримских чиновников: краткословные, почти не воруют, из себя подтянутые, с узкими физиономиями. В Америке, то есть в Штатах, полное разноцветье, ибо там сборная солянка со всего мира. И так далее: Китай, Япония, мусульманский мир. А вот наши-то прямо по византийско-греческой линии идут. Как говорится, вместе с шапкой Мономаха и Сонечкой Палеолог Третий Рим получил от отуреченного Константинополя и готовый типаж русского, потом советского, а сейчас и российского чиновника. Правда, советский маскировался под обычного труженика, но вот между русским и российским различие только в самоназвании: русский — это понятно без перевода, а ломоносовское — из его од императрицам — россиянство Ельцин, большой почитатель высокого штиля, вернул в обиход. Давай, Прокофьич, по второй и перекурим.

◆ — Вот, Прокофьич, Лев Толстой писал, что важно помнить: от нас требуется не совершенство, но приближение во всем к нему. В этом смысле. То есть бесконечное приближение идеи к совершенству, к идеалу значит, есть процесс бесконечный. По-математически говоря — асимптота.

— Получается, что совершенство всяких там идей невозможно? А как же с нашими чинодралами быть? И куда им все дальше совершенствоваться?..

— Знаешь, Прокофьич, мне порой кажется, особенно когда поневоле приходится общаться с университетскими администраторами, начиная с секретарш и самых ничтожных канцелярских бабенок, что в случае с чиновниками закон Гэ-Вэ-Эф Гегеля о превращении совершенства в абсурд на наших глазах исполнился тютелька-втютельку. Безо всякой асимптоты. Так сказать. А впрочем, стадии абсурда достигли и преподы, и студиозусы... Только вахтеры и уборщицы в корпусах еще держатся за что-то человеческое. То есть манекены в душевных вицмундирах вокруг, людишки-ничевоки.

— Да-а, не сладко тебе, Васильич, приходится жить-поживать, деньга на жизнь зарабатывать да еще умудряться науку двигать. Смотри, жить в напряжении посто-

янно вредно, болячки нутряные, нервно-сердечные могут незаметно подкрасться. Не пугаю, конечно, но остерегайся, дорогой мой профессор.

— Ха-ха, Прокофьич, меня голыми руками не возьмешь, не на того напали! Я для себя что-то навроде психологического антидота против окружающей вицмундирской заразы разработал.

— Это как?

— Да вот так, Прокофьич, душевное противоядие. Построил свой трудовень так, чтобы, во-первых, в главный корпус вообще не ходить — только на первый этаж в почтовую экспедицию, когда раз в квартал обязательную рассылку своего журнала делаю. А почтарка Татьяна Никифоровна — почтенная и приятная женщина. Не зараженная абсурдом.

Во-вторых, свел к абсолютному минимуму общение в своем корпусе, точнее, здороваюсь и перекидываюсь парой фраз о погоде только с вахтершами, опять же с уборщицами. Еще с лаборантками, что мне тексты для журнала и статей набирают, да двумя нынешними моими же соискательницами-докторантками. Впрочем, милосердными девушками-женщинами, также несколькими сторонящимися своих коллег: может, глядя на меня, подыгрывая мне, а может по характеру такие попались,— значит, повезло!

То есть захожу в свой кабинет и захлопываю дверь. Двойная польза, хотя раньше держал ее полуоткрытой: все думают, что меня в комнате нет и гортанные вопли кавказских, среднеазиатских и ближневосточных студентов не раздражают. У нас ведь в универе сейчас аулы-кишлаки. Учатся они вполуха, зато все платные по международным расценкам!

— Знаешь, Васильич, ты тоже можешь довести до совершенства по Гегелю свою изоляцию: завести посудину для малой нужды, чтобы и в сортир общий не выходить, а? Шучу, шучу безобидно.

— А это вообще не шуткой можно представить. Я вот в детские годы раз двадцать, не меньше, перечитал тогдашнюю любимую мою детективную книжку «Приключения Нила Кручинина». Автора вроде Николая Шпанова. Так в книжке той такой любопытный сюжетик. Матерый вор-медвежатник, то есть взломщик сейфов, постоянно разыскиваемый милицией, выбрал для ночевки, отдыха от напряженной дневной работы по специальности... домик сберкассы. В те далекие годы никакой сигнализации и прочего и в помине не было, так что он дождался закрытия сберкассы, открывал входную дверь своим ключом и в тепле и холе отдыхал до утра. В служебном домике имелаась кухонька, кипятил и заваривал чай, ужинал принесенной с собою снедью, даже на сон грядущий на диванчике в служебной комнате читал свежие газеты. Одно его только поначалу смущало: удобства сберкассы во дворе, а выходить лишний раз — светиться понапрасну. Голь на выдумки хитра, так он купил в аптеке пузырь для льда, что накладывают на лоб горячечных больных, в него и опорожнялся ночью, а утром, покидая свою гостиницу, выносил в своем портфеле и выливал содержимое по пути на работу по специальности, в укромном месте. Да еще усмехался порой: дескать, эта пригородная сберкасса самая охраняемая в стране!

— Ну-ну, Васильич, ты совсем-то уж не увлекайся. Должно быть интересная книжка, не сохранилась?

— Увы, Прокофьич, давно куда-то запропастилась. Наверняка, в Интернете имеется, попроси внуков поискать...

— А как я читать буду? У меня дома нет и не будет этой всякой компьютерной дряни.

— Принесу тебе на электронной книжке, считаешь. Там ничего сложного нет, внуки покажут, как страницы переворачивать.

— Нет уж, обойдусь. Слышь? Тихоновна посудой загремела. Еще по стопарику и пошли обедать чем бог послал.

◆ После обеда, свято чтя обычай русской старины, Прокофьич с Игорем Васильевичем с часок вздремнули в библиотечной комнате. Гость расположился на кожаном диване, а Прокофьич на топчане, передвинув недовольно мявкнувшего Мичмана в ноги. После отдыха хозяин неуверенно предложил («старку» за обедом завершили) попомянуть стопкой-другой домашней, настоящей на кориандре, но профессор отказался, поскольку собирался дома весь вечер и начало ночи посвятить вычитке верстки свежего номера своего журнала:

— Я, понимаешь, Прокофьич, не поэт, как Серега Есенин и Высоцкий, не беллетрист как старина Хэм, поэтому совмещать высокий градус и потный вал вдохновенья не могу. Как говорит наш уважаемый президент, мухи отдельно и котлеты отдельно. Только с ясной головой научные истины постигаю и излагаю по мере своего разумения. Кстати, чего это ваш заборчик справа слегка помят?

— Да сегодня ночью проезжий, не наш, не поселковый «Камаз» вроде как охвостом кузова задел. Я на грохот выскочил — только задние огни и увидел. Должно, шоферюга, как ты выражаешься, под высоким градусом находился. Как раз... хм-м... сегодня собирался починить. Две доски взамен проломленных уже с утра обрезал и отфуганил...

— Выходит, Прокофьич, я как тот незваный гость, помешал? Исправлюсь. Пойдем, вдвоем сподручнее будет.

Часам к шести пошабашили несложный ремонт. Игорь Васильевич распрощался с гостеприимными хозяевами, включая Мичмана, которому пожал мужественную полосатую лапу, и отбыл на автолайне в город. На душе — полный покой, а тело приятно расслаблено от умеренной дозы «старки», сытного обеда и вольной работы на воздухе. Последнее тотчас вызвало ассоциацию со вчерашними теленовостями: показывают заседание министерского совета. Министры-капиталисты трусливо, как нашкодившие школьники второй ступени, сидят обочь заседательского длинного стола, чего-то высматривая свои ноутбуки, опустив головы и стараясь не глядеть на президента. А тот, делая выволочку за очередной срыв гособоронзаказа, высказывается в том смысле, что за такие штучки-дрючки в не столь уж и далекие времена всех бы их отправил лет этак на «дцать» заниматься общественно-полезными работами на свежем воздухе...

Сообразив, что гроза миновала, министры подняли головы, готовясь каяться, оправдываться и ссылаться друг на друга, но на этом интересном моменте телеоператора выставили из заседательного зала.

«Да,— дóбро подумал Игорь Васильевич, хорошо было сказано про работы на свежем воздухе. Действительно, простые физические работы совершенствуют человека и отдалают от вырождения любой формы этого совершенства в абсурд».

◆ Игорь Васильевич в недолгой поездке в автолайне еще одну ассоциацию в голове прокрутил, но так и не понял ее суть: какова здесь степень совершенства? Услышав со стороны кабины водителя, стихийного меломана, как и все шоферы, настроившего свой приемник на канал «Орфей», аккорды явно китайской ксилофонической музыки, четко, в образах и лицах, вспомнил прошлогоднюю октябрьскую поездку в столицу.

За пару недель до этого, просматривая у себя в кабинете текущую электронную почту, обнаружил приглашение его, как главного редактора «высокоинтеллектуального и общекультурного журнала «Феномены разума: XXI век», видного ученого и общественного деятеля на китайский исторический «праздник двух десятков».*

* Это не фантазия автора; такой праздник действительно в большом почете у китайцев.

...И совершенно неожиданным для скромнейшего Игоря Васильевича явилось, что его прибытия ожидают восемнадцатого октября в шесть часов пополудни в большой банкетный зал ресторана отеля «Мариотт» на это самое празднество. Указывалась и продолжительность: два часа. Организатором же значилось культурное общество Тайваня.

Поначалу он усмехнулся, вспомнив годы своей инженерной работы в оборонпроме, когда был глухо «невъездным», имея справку о допуске к секретным и совсекретным документам и работам. Получил он тогда приглашение от тайваньцев, так его бы полгода таскали по первым и иным отделам, если бы и вовсе не уволили. Однако, подумав, решил провести рекогносцировку. Позвонил в Москву автору своего журнала, явно инспирировавшего приглашение, получил подтверждение этого. Узнав, что наличие фрака или смокинга желательно, но вовсе не необходимо для дресс-кода, как по-американски выразился собеседник, уклончиво пообещал быть-стать в «Мариотте». И действительно съездил, вернувшись со смешанным чувством, в котором преобладала уверенность: очень высокая степень совершенства сохраняет историческую традицию, которая по определению антагонистична абсурду. Праздник-прием ему неожиданно понравился, хотя к любым формам ориентализма он всегда относился скептически. Даже когда защитившиеся его благодарные аспиранты-докторанты зазывали в самый модный в городе японский ресторанчик. — «Я не японец и ихний «сушняк» и (далее он употреблял пренебрежительное, переименованное название национального спиртного напитка...) не употребляю!» Но точно так же Игорь Васильевич отказывался и от итальянской кухни с макаронами и пиццей. При этом назидательно пояснял, что пицца у пиренейских жителей — это еда нищих: все, что осталось по сусекам в голодные дни, валить в кучу и запекать на тесте.

После поездки на тайванский прием в «Мариотте» Игорь Васильевич освободил себе от дозвук пару домашних вечеров и перечитал роман «Записки о кошачьем городе» китайского классика Лао Шэ, кстати, зверски убитого хунвейбинами в ихнюю «культурную революцию».

◆ Почти на въезде в город машину кто-то проголосовал, и этот кто-то разухабисто втиснулся в дверь автолайна. Народ пассажирский оживился, ведь как-то скоро и в одночасье «вертикаль власти» сумела отучить появляться пьяным на публике, громко там же петь песни и поливать эту самую власть. Не то что в веселые девяностые, но даже в советские шестидесятые-восьмидесятые годы такой строгости нравов не наблюдалось. И приоделся сейчас народец: в китайчину с рыночных развалов, в туретчину из Европы — из тряпичных лавок, что именуются секонд-хендами. Щеголями смотрелись бомжи, экипировавшиеся с обильных помоек. Словом, как во всем цивилизованном мире.

А вот вошедший явился, словно из исторической эпохи полустолетней давности: здоровенный, аршин в плечах, под метр-девяносто, в мятых серых штанах, какой-то робе, расстегнутой до пупа. — И в тельняшке. Значит, из мореманов; Игорь Васильевич хорошо различал тельняшки морские, воздушно-десантные и омовско-полицейские. Морда лица краснющая; видать, не менее литровки на морскую душу принял бывший флотоводец, а ныне сорокалетний работяга.

С нутряным стуком уселся в полупустом лайне на первое подвернувшееся сидение. С минуту молчал, затем к удовольствию мирных пассажиров довольно ровным главстаршинским полубасом (бас на флоте положен только боцманам) трудолюбиво спел одну из двух песен о «Варяге», причем не наиболее известную маршевую «Наверх вы, товарищи, все по местам», а задумчивую «Чу, загремели раскаты». После чего пудовыми кулачищами вытер скупые мужские слезинки, после чего стал агитировать на злобу дня. Дескать, полсотни миллиардов доллоров, из которых половину

разокрали, ухлопали на олимпийскую перекопку Сочи, а значит, наш флот уже не получит пятидесяти атомных подлодок.

Завод в Комсомольске-на-Амуре вовсе прихлопнули, а в Северодвинске за двадцать лет все никак не могут достроить единственную лодку, начатую еще в советское время. Америкосы же за это время их тридцать штук сгношили! Бывший главстаршина оказался подкованным в делах флота. Народ слушал с интересом.

— ...Жал-лаю опохмелиться! — встал он с сиденья. Водила притормозил у первого на пути городского гастронома.

— Жму краба! — И веселый попутчик вышел из машины и взял курс на магазин: норд-ост-ост, как мигом прикинул Игорь Васильевич, и тотчас добрая улыбка расцветила его лицо: жив курилка, жив еще русский народ, хрен вам, Запад-Восток, не дождетесь вы от нас абсурдного совершенства! Будем держаться до последнего, как героический «Варяг» до последнего снаряда. А понадобится — и кингстоны откроем. Только на этот раз в плен к японцам не пойдем. Шиш вам с малазийским пальмовым маслом, на мегатонну которого еще в девяностые годы променял два авиаполка «сушек»!

Коль скоро череповецкое железо, норильский и мурманский никель и кобальт наши олигархеры угнали на Запад, то соберем в Сибири все кедры, что уцелели от китайских стахановцев-лесорубов, построим огромную деревянную ракету с паровым двигателем и на этой гравитационной улетим к ядерной матери осваивать жизнь на Марсе, еще на тысячу лет оттянув время перехода совершенства в абсурд.

...Очень воодушевленный вернулся Игорь Васильевич к домашнему очагу, даже слегка встревожив добрую свою супругу, поужинал молча и до двух ночи правил корректуру нового номера своего журнала: про феномен разума в наступившем веке. Будь он не к ночи помянут!

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

ПРОБУЖДЕНИЕ*

Марина открывала глаза.

Тревожного ощущения не было. Но что-то ее заставило проснуться, не потягиваясь и зевая, а резко сразу. Так просыпаются только охотники и разведчики. Ни с теми, ни с другими она себя не ассоциировала.

Затренькал дверной звонок.

«Вот, оказывается, в чем причина»,— подумала Марина, откидывая одеяло и вставая с кровати. Надвинув тапки и накинув халат, она поспешила к двери

— Маришь, ну ты что, еще спишь? — прямо с порога налетела на хозяйку ее подруга Марго — рыжеволосая яркая эффектная женщина средних лет.

— Ну, в общем-то... как бы это сказать... уже нет,— развела руками Марина.

— Вы посмотрите на нее — у нее выставка через 3 часа открывается, а она еще в постели валяется.

— Какая выставка?

— Твоя персональная выставка в галерее.

— Моя персональная выставка? — брови хозяйки квартиры взлетели вверх.

— Подруга, ты меня пугаешь. Еще не проснулась? Или разыгрываешь? А может вчера вина перепела?

— А мы вчера пили?

— Ну, со мной точно не пила. А там не знаю. Ты у нас женщина свободная... Я вообще удивляюсь твоему спокойствию перед таким мероприятием. Я больше нее волнуюсь. В конце концов, чья выставка сегодня открывается?!

Марина подняла руку, останавливая подругу.

— Подожди. Дай сосредоточиться.

— Две минуты тебе,— сказала рыжеволосая, направляясь в ванную.

«Так. Что происходит?.. Я хотела поучаствовать в каком-нибудь совместном проекте с другими художниками и подготовить небольшую экспозицию своих работ... Мечтала, конечно, о своей выставке... И вот меня будят и говорят об открытии сегодня моей мечты. Ой, что-то бок сдавило. Сердце ноет. Но почему я ничего не помню? Ведь чтобы подготовить такую экспозицию нужно, как минимум месяца три.

Как я ее готовила? Когда? Такое ощущение, что из моей памяти выпало несколько месяцев. Почему я ничего не помню?

— Я отрегулировала душ,— вывела из задумчивости свою подругу Марго и, снимая с нее халат, подтолкнула ту к ванной.

— Полчаса тебе на сборы и выезжаем. Кофе пить некогда.

Через сорок минут они ехали в машине по направлению к галерее.

* Наш постоянный автор.

— Марин, а помнишь, какой ажиотаж поднялся от прошлогодней твоей персональной выставки? Особенно после того, как на ней побывали немцы и купили две твои картины?

— Да? — художница не знала, что сказать от навалившейся на нее информации.

— Газеты два месяца обсуждали эту тему. Всевозможные интервью, размышления, прогнозы...

Потом, правда, все затихло, но сейчас, кстати, интерес вновь проснулся. Газеты пестрят заголовками типа: «Что нового в творчестве Марины Ковалевой?», «Чем нас на этот раз порадует художница?», «Будет ли эта выставка сильнее прошлогодней?», «Сможет ли Марина Ковалева нас удивить в это раз?»

— Вот уж не знаю... — рассеяно проговорила Марина.

— Ты сегодня какая-то кислая. Устала? Не выспалась? Это все — нервы, — подытожила подруга.

— Наверное, ты права. Да еще что-то бок сдавило, и сердце ноет, — пожаловалась Ковалева.

— Подожди-ка, — Марго открыла свою сумочку и начала в ней рыться, вытаскивая и рассматривая какие-то таблетки в шуршащих упаковках. Наконец, она что-то нашла, переломила упаковку и протянула соседке.

— Валидол. Положи под язык и откинься на спинку. Расслабься и полежи с закрытыми глазами.

Марина так и сделала. Удобно устроилась на заднем сидении и закрыла глаза.

«Получается, что это у меня уже вторая персональная. А прошлогодняя имела успех, были хорошие отклики и даже две картины купили. Это, конечно же, радует, но почему я ничего не помню? Как в фантастических фильмах — словно мне стерли память на несколько недель, а целого года, как оказывается.

Странно. Все это очень странно... И почему так сильно сдавило сердце?»

Машина ехала, слегка покачиваясь, и женщина незаметно как задремала.

Сквозь сон она услышала голоса.

— Ну как она? — спросил мужчина.

— Да пока нормально, — ответила женщина. — Но надо бы скорее. Пульс очень слабый, еле прослушивается. Можем не довезти.

Марина попыталась открыть глаза, но ей это не удалось.

Сквозь пелену чуть приоткрывшихся век она различила сидящих в белых халатах, услышала надрывный вой сирены и звук автомобильного сигнала.

Марина почувствовала, что ей не хватает воздуха. Стало тяжело дышать. Захотелось вздохнуть поглубже — резкая боль пронзила сердце, и она потеряла сознание.

Ковалева открыла глаза. Глотнула воздуха. Рукой схватилась за лоб — он был мокрый. Сердце бешено колотилось. Боль не пропала совсем. А ушла куда-то вглубь и превратилась в тупую, ноющую.

— Ты что? — встрепенулась Марго.

— Да чушь какая-то в голову лезет.

— Так. Чушь отставить и настроиться на рабоче-праздничную волну. Речь приготовила?

— Речь?..

— Ладно. Разберемся по ходу. Приехали.

Возле галереи толпилось человек пятьдесят.

Как только машина Марго остановилась, к ней сразу подскочили журналисты, шелкая вспышками и протягивая микрофоны и диктофоны.

Ковалева не успела еще выйти из автомобиля, а со всех сторон уже посыпались вопросы, словно горох из лопнувшего стручка:

— Какова концепция вашей новой выставки?

— Предлагали вам продать ваши картины?

— Какие ваши политические взгляды?

Марина, наверное, надолго застряла бы в этой толпе встречающих, пытаясь сосредоточиться и ответить на все вопросы, но ее спасла подруга. Подхватив под руки растерявшуюся художницу, и расточая свои лучезарные улыбки, она силой утащила ту от раскрывшихся пастей акул пера.

Открытие выставки прошло успешно. Народу было много и люди все прибывали и прибывали.

Здесь находился весь цвет города: поэты, писатели, художники, певицы, режиссеры, депутаты, представители администрации. А кроме того по залам бродили студенты художественных училищ, школьники, пенсионеры...

Все поздравляли с успехом, говорили речи, дарили букеты цветов.

Марина ходила по залу, перемещаясь от полотна к полотну, и сама с интересом рассматривала работы, словно была на какой-то чужой экспозиции. Многие картины она прекрасно помнила, даже, как и когда их создавала. Но были и такие творения, которые она не узнавала, хотя своеобразный росчерк ее подписи стоял в правом нижнем углу этих работ.

«Странно. Когда я все это успела создать? Необъяснимая загадка... И почему так кружится голова и сдавило сердце? Права Марго — это нервы. Пока первая волна улеглась надо присесть отдохнуть».

Ковалева присела в кресло, стоящее в углу возле окна, облокотилась на подлокотник и прикрыла глаза рукой.

— Поспешите. Мы ее теряем,— услышала она тотчас.

Марина разлепила веки. Взгляд уперся в белый туман. Перед глазами с определенным постоянством мелькали светящиеся длинные плафоны. Ее куда-то везли. Она лежала на чем-то твердом.

«Как в больнице»,— подумалось непроизвольно.

— Скорее во вторую операционную! — крикнул мужчина.

«Где я? Что со мной? Или это не со мной все происходит?.. Ну, конечно, не со мной! Это — сон. Всего лишь — сон. Пусть какой-то странный, но все же — сон. У меня же персональная выставка. Нужно многое успеть сделать. Некогда здесь лежать... надо вставать. Идти... Но почему я не могу пошевелиться?.. Грудь сдавило словно металлическим обручем. Тяжело дышать. Сердце бьется не ритмично, с какими-то провалами, и кажется, как будто скрипит, словно старая калитка... О чем это я?.. Какая калитка?.. Разве сердце может скрипеть? Бред какой-то... И еще эти плафоны, мелькающие перед глазами. Я их вижу уже целую вечность. Куда меня везут?»

— Потерпевшая приходит в себя. Сделайте ей еще один укол,— мужской голос говорил быстро.— И срочно на операционный стол.

Перед глазами Ковалевой все поплыло куда-то. Она сомкнула веки и почувствовала, что ее трясут за плечо.

Раскрыв глаза, Марина уперлась взглядом в лицо подруги.

— Марин, ты что, уснула?

— А где врачи? Операция уже закончилась?

— Тебе плохо? Вызвать скорую? — забеспокоилась Марго.— Подожди, какая операция? Ты имеешь в виду — выставка?

Ковалева посмотрела на себя, сидящую в кресле, подвигала руками и встала.

— Нет-нет. Все в порядке. Не надо скорую. Просто пригрезилась ерунда, какая-то.

— Я тебе говорила, что ты устала и тебе надо отдохнуть. Но только не сейчас — чуть позже. А сейчас тебя ждут двое голландцев из музейного общества. Хотят предложить тебе организовать выставку твоих работ в Голландии в конце года. Не вижу радости в твоих глазах.

— Я рада.

— Ну, тогда не будем заставлять их ждать.

Иностранцы довольно сносно говорили по-русски, поэтому переговоры прошли успешно, и была достигнута предварительная договоренность о предстоящей выставке за границей.

— Ну, вот видишь, как все удачно складывается,— радовалась за подругу Марго.— Эта выставка только началась, а тебе уже предлагают следующую готовить.

— Иванова, я в растерянности...

— Иванова? Фи! Что за проза? — обиделась женщина.— Я — Марго. Мы же с тобой договаривались.

— Ладно-ладно. Я хотела сказать, что со мною происходит что-то странное у меня какие-то провалы в памяти. Не помню, как готовила эту экспозицию. Не помню, что было вчера.

— Вчера ты со своим Андреем уехала в ресторан. А где на самом деле пропала, я не знаю.

— Стоп! С каким Андреем?

— Марин, ты наркотики, случайно, не употребляешь?

— Нет, конечно! Что я — дура. С чего ты взяла?

— Просто многие люди проходят огонь и воду, а вот медные трубы не всем удается преодолеть. И на пике своей популярности или только еще на взлете от эйфории начинают спиваться или пробуют наркотики. Губят свой талант и в итоге пропадают.

Год назад от тебя ушел муж. Ты говорила, что мало времени ему уделяла. Все работала, готовила выставку. За собой не очень-то и следила. Вот он и ушел к молодой.

— Да, я помню, Володька меня бросил.

— Уже хорошо. Хоть какие-то сдвиги. Память возвращается. На предыдущей выставке ты и познакомилась с Андреем. Он стал почитателем твоего творчества. Ты с ним подружилась. Это твой — мужчина.

— Где он работает?

— Это, конечно, не крупный бизнесмен. Не магнат нефтяной или газовой отрасли. Но довольно-таки успешный предприниматель, занимающийся строительством.

Живет один в трехкомнатной квартире в центре. Жена у него умерла несколько лет назад, детей у них не было.

— И как мы с ним?

— Тебе, конечно, виднее, но, по-моему, дело движется к свадьбе,— загадочно улыбнулась Иванова и добавила:

— Я тебе честно скажу, Марин, если бы он на тебя не запал, я бы его не упустила.

— Что, так хорош?

— Мечта незамужних женщин. Да вот он, кстати, и сам спешит засвидетельствовать тебе свое почтение.

По залу широкими уверенными шагами не то чтобы шел, а именно шествовал красивый высокий мужчина в сером костюме, белой рубашке и галстуке. В руках он держал большой букет чайных роз.

— Здравствуйте, девушки! — поздоровался Андрей с подругами и, протягивая цветы Марине, произнес:

— Поздравляю с открытием выставки.

Он поцеловал Ковалеву в щеку и сказал, что хочет побродить, посмотреть картины.

— Завидую я тебе, Маринка,— грустно произнесла Марго.— И выставки получают, и картины у тебя покупают, и журналисты вниманием не обходят, и критики благосклонны. И хоть тебя и бросил муж, но появился Андрей, а это гораздо лучше. А теперь еще и за границу зовут.

— Не расстраивайся, Марго. И у тебя все получится. Надо верить в свои силы. Настроиться и очень сильно этого хотеть.

Ковалева задумалась.

«А ведь подруга права. Все складывается замечательно. Сколько она об этом мечтала. Сколько было бессонных ночей... И вот, пожалуйста, все уже происходит в действительности. Но почему-то радости нет, и очень сильно сдавило сердце...»

— Подключайте ее к аппарату искусственного дыхания.

Женщина открыла глаза.

Вокруг нее суетились люди в синих и зеленых халатах.

— Пульс слабеет. Прерывистый,— произнес женский голос.

— Удивительно, как она вообще живой осталась после такой аварии,— проговорил мужчина.— У нее сломан позвоночник, ребра, и обе ноги, пробито легкое и голова, разорвана селезенка. Жаль, красивая женщина... Но если выживет — останется парализованной и до конца дней своих будет прикована к постели.

«Это, что, все про меня сказали? Опять этот кошмарный сон. Почему он меня преследует? Или это не сон? Я что-то упустила. Что-то важное... Надо вспомнить... Меня бросил муж. На работе все не заладилось. Я никак не могла подготовить свои работы для выставки. Картин было мало. Новые никак не удавалось написать. Идеи-то были, но этого мало. Вдохновение не посещало. Настроение в последнее время держалось отвратительное. Даже выпивать начала в одиночестве...»

Я поехала на дачу, чтобы от всего отрешиться, подышать свежим воздухом, успокоиться и, обдумав сложившуюся ситуацию, прийти к какому-нибудь решению.

Начался сильный дождь. Из-за очередного поворота помню яркую вспышку фар несущегося навстречу какого-то грузовика. Этого оказалось достаточно, чтобы меня ослепить. Вдавила педаль тормоза и крутанула руль вправо. Но грузовик, наверно, занесло на мокром асфальте. До сих пор в ушах стоит грохот удара и скрежет металла. Вижу разбившиеся стекла и деформацию кузова. Не большое ощущение полета — все мелькает перед глазами, словно я — в детстве катаюсь на карусели... Глухой удар, резкая боль в груди, ногах и что-то липкое заливает глаза, то ли пот, то ли кровь... Я вспомнила. Значит — это действительность. А как же мои выставка, голландцы, Андрей... Я все это хотела, и мозг смоделировал мою мечту... Там я — успешный художник. Много работаю. Меня посещает вдохновение... Есть Андрей... А здесь — я одинокая, никому не нужная калека со сломанным позвоночником...

Не хочу сюда возвращаться! Хочу в тот мир, где тебя ждут, любят и радуются моим успехам! Пусть будет там действительность. А это — окажется сном. У меня только-только все начало получаться. Это не справедливо!

Нет! Нет! Не надо! Оставьте меня там!..»

— Остановка сердца! — крикнула женщина.— Быстрее электрический разряд!

— На мой взгляд, очень хорошая выставка получилась,— вывел из задумчивости Марину, подошедший к ней Андрей.— Такая вся яркая, светлая, лучезарная. Особенно из серии «Пробуждение». Весна. Растаявший снег. Все только начинает появлять-

ся, распускаться, зеленеть... В каплях, висящих на деревьях, переливы солнечного света. Воробьи, купающиеся в лужах...

— Я очень рада, что тебе понравилось,— ответила Ковалева.— А что тебе не понравилось?

— Выставка называется «Начало жизни». А одна из серий — «Пробуждение». Я бы всю выставку назвал «Пробуждение». Ведь зимой жизнь не исчезает совсем, просто видоизменяется. Засыпает. И с приходом весны не зарождается заново, а просто просыпается и продолжается дальше. Так что, на мой взгляд, название всей экспозиции «Пробуждение» было бы более правильным и интересным.

— Спасибо. Учту твои замечания. Ну, что на сегодня будем заканчивать. Поедем.

— В ресторан? Отпразднуем это событие?

— Можно и в ресторан. Я проголодалась.

— Тогда собирайся.

— Я быстро.

— Готовы? — спросил мужской голос.— Разряд...

Прибор надрывно выдавал высокую ноту

— Повторяем! Еще разряд... Увеличьте напряжение! Разряд!..

«Нет! Не надо! Оставьте меня в покое! Вы не понимаете! Там моя жизнь! Стойте!»

— Сделайте максимум. Пробуем последний раз...

Ничего не произошло. Прибор так и продолжал пищать противно, словно комар.

Врач сорвал с лица повязку. Достал сигарету и чиркнул зажигалкой.

— Николай Степанович, здесь же нельзя курить,— взволнованно произнесла молоденькая медсестра.— Ой, а вы же никогда не курили.

— Я знаю, Лариса. Да я и не курю,— мужчина сделал одну затяжку, погасил сигарету и бросил в металлический бачок.— Я — врач с пятнадцатилетним стажем, но до сих пор никак не могу привыкнуть, когда люди умирают на операционном столе.

— Но в этом нет вашей вины. Вы сделали все, что могли. Тем более она была с такими страшными увечьями после аварии.

— Да, наверное, ты права. Зафиксируй время смерти,— врач посмотрел на часы.— 19 часов 19 минут. Надо же — счастливое число. Мы в детстве так играли. Смотрели номера проезжающих машин один слева, другой справа. И если сумма первых двух цифр совпадала с суммой последних цифр — число считалось счастливым. Кто больше набрал — тот выиграл.

— Так ведь машины с трехзначными номерами? — удивилась медсестра.

— Это сейчас, а в моем детстве все машины имели на номерах по четыре цифры.

— Смотрите, потерпевшая улыбается.

Женщина лежала на столе с закрытыми глазами. Но уголки рта растянулись в разные стороны, и было действительно, похоже, как будто она улыбается.

— Счастливое число,— повторил Николай Степанович.— Она яростно сопротивлялась, пока мы ее пытались реанимировать. Создавалось такое ощущение, что эта женщина боролась не за жизнь, а наоборот... Она прекрасно понимала, что ее ждет. Какая это жизнь с поломанным позвоночником... Похоже, она добилась своего. Успокоилась. Улыбка тому подтверждение.

— Николай Степанович, а вы думаете, что потом наша жизнь продолжается, только переходит в другую форму?

— Не знаю, Лариса. Но надеюсь, что нашей пациентке там гораздо лучше, чем здесь, раз она улыбается...

— Я тебя обыскался,— открывая дверь кабинета и просовывая голову внутрь,

проговорил Андрей, увидев Ковалеву, сидящую за столом в задумчивости.— Ушла и пропала. Подумал, что что-то случилось. Меня Марго предупредила, что ты себя сегодня странно ведешь. И это — от перенапряжения и усталости накопившейся за эти месяцы подготовительных работ. И как бы ни случился нервный срыв.

— Нет-нет, все в порядке. Теперь уж я точно знаю, что в полном порядке. Просто я обдумывала свои новые идеи, которые мне надо успеть воплотить до конца года для выставки в Голландии.

— Марин, может мы, не поедем в ресторан, а сразу домой — отдыхать?

— Ты, что хочешь оставить голодной молодую симпатичную женщину? Тем более что я не ела целый день. Это, во-первых. А во-вторых, мы обязательно поедем в ресторан и будем отмечать Пробуждение!

Ольга Соколова
(г. Москва)

РАССКАЗЫ

Соколова (Красовская) О. В. родилась в 1977 г. в Москве. По образованию — экономист, закончила РЭА им. Г. В. Плеханова. Работаю по специальности. Литературным творчеством занимаюсь с 12 лет, посещала занятия литературной студии «Жизальмо» РГДБ. Первая публикация — в журнале «Недоросль» 1995 г., № 3, с. 6. В последнее время мои произведения опубликованы в журналах «Современная литература России», «Спутник», «Ното Legens». В 2013 г. меня приняли в члены литературного клуба «Московский Парнас».

ПЕРВЫЙ БРАК

В выходной день Вика поехала к начальнице, которая отдыхала в подмосковном санатории, отвезти рабочие бумаги. Так вышло, что это было срочное дело. Путь был неблизкий, Вика добралась к полудню.

— Ой, Викочка, здравствуй! Привезла? Ну, спасибо, дорогая,— встретила ее Ирина Петровна.— Может, останешься погостить?

Был погожий летний день, и Вика решила остаться до вечера.

Вика и Ирина Петровна отправились гулять по территории пансионата. Воздух был свежим, напоенным солнцем, вокруг зеленели деревья и цветочные клумбы радовали глаз. Вика получала от прогулки немалое удовольствие. Потом пошли обедать.

Столовая находилась в отдельном здании, светлый зал с большими окнами, столы были уже накрыты. На обед подавали рассольник и голубцы, но можно было взять шашлык.

— Давай по шашлычку? — предложила Ирина Петровна.

— Я за,— ответила Вика.— Обожаю шашлык.

Они заказали шашлык. Пока они ждали, к их столику присоединилась пара — осанистая женщина и молодой человек, должно быть, ее сын. Они познакомились, молодого человека звали Петя. Петя с матерью тоже взяли шашлык. Шашлык с овощным гарниром был приготовлен великолепно, так что лучшего обеда пожелать было невозможно.

— Вика, я играю в настольный теннис. Не составите компанию? — спросил Петя после обеда.

— С удовольствием,— ответила Вика.

По дороге разговорились. Выяснилось, что Петя — инженер-физик и работает в НИИ.

— Вам, наверное, платят не очень? — спросила Вика.

— Ну, не много, но как-то крутимся,— ответил Петя. Внешне он выглядел вполне благополучно.

Отыграли в теннис, потом ходили купаться, вечером Вика укатила.

Петя и Вика продолжали встречаться в Москве. Они были симпатичны друг другу, оба молодые и энергичные, любили кино и театр. Петя дарил много цветов, и, в конце концов, сделал предложение. Они расписались.

Первый месяц семейной жизни принес Вике разочарование. Она похудела, осунулась и еле успевала по работе и семейным делам.

В конце месяца Петя принес зарплату.

— Это все? — недовольно спросила Вика.

— Да, все, что выдали, — ответил Петя.

— Но это очень мало! — воскликнула Вика. — Мне ни на что не хватает.

— А ты сама разве ничего не получаешь? — спросил Петя.

— Получаю, но все равно этого мало. А если ребенок? Возьми подработку, — настойчиво сказала Вика.

— Какую подработку? — рассердился Петя. — Вагоны разгружать? Я свою работу люблю.

— Иногда можно и вагоны разгружать, — сказала Вика. — Как жить-то?

— Как хочешь, но я этого делать не буду, — Петя развернулся и ушел в другую комнату к телевизору.

Вика сидела расстроенная, все ее надежды на счастливую семейную жизнь лопнули. Через полгода Вика и Петя развелись.

СОСЕДКА

В нашем доме на нашем этаже появилась новая соседка. Точнее сказать, это были муж и жена. Они въехали неожиданно поздней осенью с мебелью и прочим скарбом.

Как-то раз она окликнула меня в коридоре.

— Простите, как Вас зовут? — спросила она.

— Надя, — ответила я. — А Вас?

— Маргарита Петровна, — сказала она и опустила руки вдоль длинного кашемирового пальто.

— Вы издалека приехали? — спросила я.

— С Тульской, — сказала она. — Мы разменяли квартиру, дочке негде жить.

Я понимающе кивнула. В тот раз она показалась мне очень красивой — она была блондинкой, у нее было ухоженное лицо и руки с красивым маникюром. Кроме того, по всей видимости, они были богатыми людьми.

Так прошла зима, весна, наступило лето. Изредка я встречала Маргариту Петровну в коридоре или возле подъезда, но мы только здоровались. Вместе с тем мне хотелось познакомиться с ней поближе.

В июле в разгар купального сезона я решила пригласить ее на пляж. Я собрала пляжную сумку, положила купальник, полотенце, солнцезащитный крем, бутылку минеральной воды.

После этого я позвонила в дверь Маргариты Петровны. Она открыла быстро.

— Здравствуйте, Маргарита Петровна, — сказала я.

Она ответила мне. Она была в домашнем халатике, очень милая и свежая с утра. Я слышала, как в комнате за стенкой бредет ее муж.

— Маргарита Петровна, — начала я. — У меня знаете, такая идея. Я собралась на пляж... Вы не хотите присоединиться?

И вдруг она резко изменилась в лице, мне даже показалось, что ей стало нехорошо. Она чуть отпрянула и схватилась за виски.

— Маргарита Петровна, — испугалась я. — С Вами все нормально?

Она кивнула, в ее глазах стояла боль.

— Так Вы не пойдете на пляж?
— Нет, Надя, много дел.
— А на следующих выходных?
Она покачала головой.
— Просто у нас отличный пляж в Строгино, я бы Вам показала,— с досадой сказала я.
— Надя,— проговорила Маргарита Петровна.— Мне надо вам кое-что сказать.
Ее лицо болезненно искривилось: «Я после операции, у меня был рак груди». Она взяла меня за руку, и мы заперлись в ванной. Она расстегнула халат, и я увидела шрамы на месте ее бывшей груди — уродливые розовые швы на бледной плоскости.

КОФЕ — НЕ ПРЕДМЕТ ПЕРВОЙ НЕОБХОДИМОСТИ

Анжела Иванова собралась к гадалке. У нее был неблагоприятный период в жизни — работы не было, встретить нормального мужчину тоже не удавалось. Анжела хотела узнать, как долго будет продолжаться полоса невезения.

Ехать нужно было в центр на улицу Солянка. Там завернуть в арочку, зайти в старинный подъезд и подняться по лестнице почти на самый верх. На двери Анжела увидела табличку «Ясновидящая Пелагея». Это была она.

Пелагея открыла ей без промедления.

— Наденьте бахилы,— сказала она.

Анжела прошла в гостиную, Пелагея предложила ей сесть. Они сидели друг напротив друга за квадратным столом, покрытым бордовой скатертью. Никаких магических атрибутов не было. Комната была слегка ароматизирована ароматом ванили. Анжела пристально рассматривала лицо гадалки — она была немолодой уже женщиной с правильными чертами лица, крашеной блондинкой.

— Что вас привело ко мне? — спросила она.

— У меня ничего не складывается,— грустно ответила Анжела.— Сколько мне осталось жить, можете сказать?

— Вы проживете до старости,— уверенно проговорила гадалка.

Она зажгла свечу и поставила на стол зеркало так, чтобы оно отражало пламя свечи.

— Я сейчас без работы,— пожаловалась Анжела.

Гадалка помолчала, потом сказала: «Это ничего. Вы найдете работу. Вас сделают директором».

Анжела посмотрела на нее недоверчиво.

— Да, я это вижу совершенно определенно.

— Ну, а замуж я выйду? — спросила Анжела.— У меня никого нет.

— Замуж вы тоже выйдете,— ответила Пелагея.— Только не очень скоро. Зато по любви.

— А на картах Вы мне не погадаете? А по руке? А на кофе? — спросила Анжела.

— На картах я гадаю только молоденьким девушкам на жениха,— пояснила Пелагея.— По руке вам гадать незачем — это на дорогу гадают и казенный дом. А кофе у меня нет. Знаете, кофе — не предмет первой необходимости.

Анжела улыбнулась: «Спасибо, вы меня и так очень порадовали».

— Мои предсказания сбываются,— заверила гадалка.

Анжела ушла окрыленная.

Через десять лет ясновидящая Пелагея получила от неизвестного дарителя корзину ярко-красных роз. В корзине она нашла фотографию счастливой женщины в обнимку с мужем и девочкой трех лет, на обороте подпись — Анжела Иванова.